

Глава 3. Что делать?

И не церковь, ни кабак
Ничего не свято!
Нет ребята, все не так,
Все не так, ребята!

Владимир Высоцкий

Первым этот вопрос заострил Николай Чернышевский, теоретик классического утопического социализма и один из редакторов «Современника» с 1855 по 1862 годы. Его роман-утопия не имел ничего общего с реальной жизнью. Но изложенные в нем в изящном и «благородном» стиле старые идеи утопического социализма нашли отклик в душах некоторой части формировавшейся интеллигенции.

Вообще, в первом поколении консорцию интеллигенции объединяли только общие ценности, идеалы, жизненные цели, а также формировавшиеся сходные стереотипы поведения. В идеологическом плане с самого начала, как впрочем, и всегда, присутствовал полный разброд.

Уже в период своего формирования интеллигенция идеологически разделилась на два течения: либералов и радикалов. Так, в 1845 году возник известный кружок Михаила Буташевича-Петрашевского. Хотя сам по себе, кружок был и не велик, но он представлял собой вершину сети многочисленных, но более мелких кружков, связанных с головным через его членов. Причем, если в головном кружке ограничивались только пропагандой идей утопического социализма, то среди его «филиалов» были и радикально-революционные. Одним из таких ра-

дикальных кружков был кружок Николая Спешнева, в который перешел от Белинского молодой Достоевский.

Характерной особенностью кружка Петрашевского было широкое представительство молодых литераторов, а также офицеров. Помимо Достоевского, в кружке состояли писатели: Чернышевский, Аполлон Майков, Михаил Салтыков-Щедрин, Алексей Плещеев, Сергей Дуров; художник Павел Федотов, и даже будущий идеолог панславизма Данилевский.

Но, несмотря на значительное представительство офицерского корпуса, этот кружок безусловно может быть отнесен к западникам. В нем отрицалась страна, «жизнь и воздух которой пропитаны рабством и деспотизмом» и принималась клятва ненависти к Николаю I и его бюрократической системе.

В 1849 году, за распространение письма Белинского к Гоголю и другие «злонамеренные» деяния, многие члены кружка, в том числе и Достоевский, были приговорены к расстрелу, который в последний момент был заменен каторгой. К счастью, наиболее радикальные кружки не были открыты полицией, иначе мир никогда бы не узнал о великом русском писателе.

Итак, с самого начала формирования русской интеллигенции, объединяющим фактором для нее стала ненависть к российской действительности и стремление к сближению с Западом. Но по вопросу о способе этого сближения общего мнения не было никогда. Тем более что собственных идей интеллигенты-западники не имели и непрерывно меняли свои взгляды вслед за изменением европейской философской «моды».

Как зло писал Солоневич, «интеллигенты накидываются на любую цитату, лишь бы она была новой, или казалась новой, глотают ее не пережевывая и извергают не переваренной, остаются вечно голодными и со всех ног скачут по философским пастбищам Европы, подбирая каждый репейник и кувыркаясь через каждый ухаб».

Так, едва насладившись идеализмом немецкой классической философии, они получили по мозгам материализмом Фейербаха. И вот уже не только Бакунин и Герцен, но и все остальные поклонники «Абсолютной идеи» пого-

ловно становятся атеистами, нигилистами и прочими «истами». Вера в бога начинает подвергаться в их среде осмеянию, как признак недалекого ума.

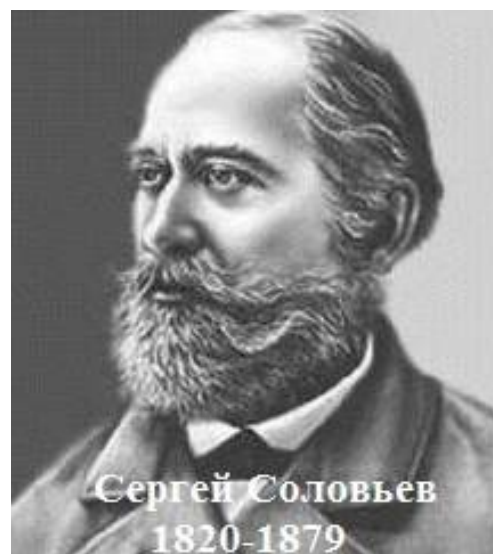
Как мы уже отмечали выше, в первых поколениях интеллигенция имела все признаки молодежной субкультуры, так как подавляющее большинство ее членов составляла студенческая молодежь. Для нее характерна неустойчивость состава, быстрая радикализация, смена лидеров и идей.

Характерным примером является борьба за идеологическую направленность журнала «Современник» в конце 50-х годов. Для молодых революционных демократов Чернышевского и Николая Добролюбова вчерашние кумиры западников: Тургенев, Василий Боткин, Анненков, уже были отсталыми стариками с их «замшелым» либерализмом. В

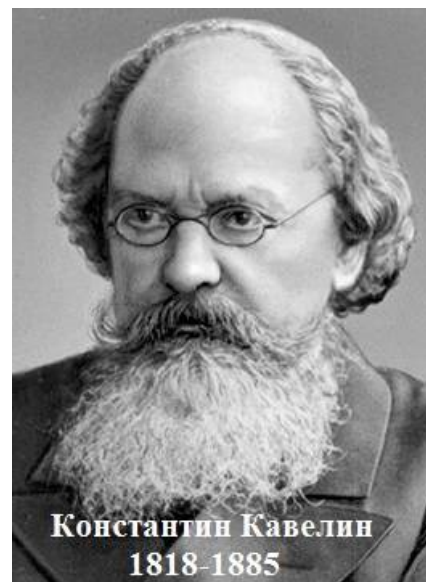
результате этого раскола «старика», а также молодой Лев Толстой вынуждены были покинуть редакцию, а «Современник» стал рупором радикального течения интеллигентской мысли.

Неустойчивость состава проявлялась и в том, что многие члены этой субкультуры, достигая зрелого возраста, покидали ее ряды. Характерен пример известных историков и государственных деятелей Сергея Соловьева и Константина Кавелина. В молодости, отдав дань увлечениям западничеством, в зрелые годы оба они сосредотачиваются на профессиональной деятельности, делают карьеру на государственной службе. Соловьев становится ректором Московского университета, статским советником, получает значительные правительственные награды. Идеологически он становится монархистом и консерватором. Кавелин, соратник Соловьева по молодежной субкультуре, яростный атеист

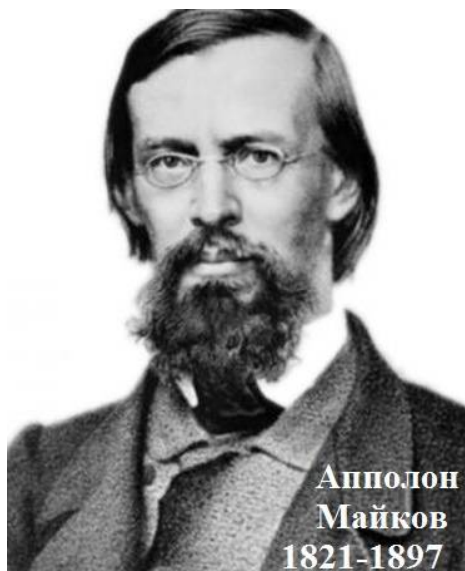

и либерал, в дальнейшем также становится апологетом русского самодержавия. Тот же путь проделал и поэт Аполлон Майков, в молодости отдавший дань либеральным идеям, но закончивший жизненный путь тайным советником¹ и убежденным консерватором.

Академик Юрий Степанов считал, что в период 1845-1865 годов «определенная, исторически и социально вполне конкретная часть народа взяла на себя социальную функцию общественного самосознания от

имени и во имя всего народа. Собственно, это и есть основное содержание концепта Интеллигенция». Таким образом, он подтверждает, что именно в этот период произошло формирование русской интеллигенции.

Но в остальном с ним согласиться нельзя. Интеллигенция в то время еще представляла тончайший слой, не оказывавший практически никакого воздействия на народные массы, как

сельские, так и городские. Помимо 20-30 профессоров, оставшихся верными западническим убеждениям молодости, и таких вождей молодежной субкультуры, как Белинский, Герцен, Бакунин, Петрашевский, Чернышевский, Тургенев, Василий Боткин, к 1860 году, максимально, ее базу могли составить две-три тысячи из 40 тыс. студентов и выпускников высших учебных заведений. К ним можно добавить и какую-то часть выпускников дворянских лицеев и училищ, также получавших приличное образование.

Цифра конечно не малая. Но в то время молодежная субкультура интеллигенции еще не доминировала среди образованной части общества, хотя славянофилы к концу 50-х годов потерпели практически полное поражение в

¹ Третий по значимости чин в табели о рангах.

борьбе с западниками за образованные умы.

Тем не менее, большинство студентов не московских университетов, особенно в первые годы формирования интеллигенции, еще не разделяли взглядов западников, хотя бы потому, что кроме профессоров московского университета и Белинского, их еще некому было распространять. Но и среди тех, кто приобщился к субкультуре интеллигенции в студенческие годы, по окончании университетов большинство делало карьеру на государственной службе, быстро забывая об увлечениях молодости.

В тот период государственный чиновник автоматически выбывал из этой референтной социальной группы, так как признавался недостойным высоких идеалов. Исключение делалось только для преподавателей и врачей, также считавшихся государственными служащими. Но это благородное служение у интеллигентов протестов не вызывало.

Таким образом, численный состав первого поколения интеллигенции можно, весьма приблизительно, оценить в несколько тысяч человек. Меньшая часть состояла из выпускников университетов, освоивших свободные профессии, не связанные с государственной службой. Они концентрировались вокруг таких лидеров либеральной мысли, как Тургенев, Кавелин, Василий Боткин, Сергей Соловьев. Отказавшись от идеалистических увлечений молодости, они нашли утешение в либерализме, составив консорциум либеральной интеллигенции. Большую часть образовывала молодежная субкультура, состоявшая из все более радикализировавшихся студентов, с 1857 года возбуждаемых набатом герценовского «Колокола».

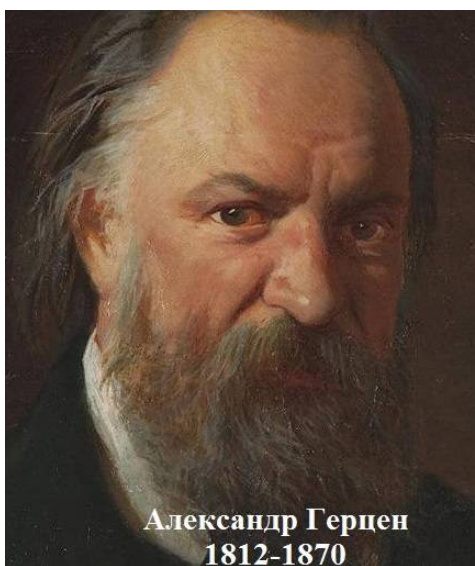
В 60-е годы, когда на общественную сцену постепенно выходит уже второе поколение интеллигенции, верх в интеллигентской среде берут радикальные настроения. Сторонники этого направления также считали, что Россия должна пойти по европейскому пути. Но в отличие от либералов они полагали, что революционные потрясения неизбежны.

В эти годы, на смену Николаю I, ненависть к которому была одним из главных объединяющих факторов первого поколения интеллигенции, прихо-

дит царь-реформатор Александр II. В 1861 году им было осуществлено его важнейшее деяние – ликвидация крепостного права.

Освобождение крестьян, как это не покажется странным, сопровождалось массовыми волнениями в деревне. Но удивляться тут нечему. Крестьяне считали крайне несправедливыми условия, на которых осуществлялось освобождение. Герцен и революционное крыло интеллигенции решили воспользоваться этим и организовать, ни много ни мало – крестьянскую революцию. Причем, не какую-нибудь там, а самую, что ни на есть – социалистическую.

С этой целью в 1861 году было создано тайное общество «Земля и воля».

Александр Герцен
1812-1870

Создавалось оно на базе многочисленных студенческих кружков, находившихся под идейным влиянием «Колокола» Герцена. Идейным вдохновителем общества стал Чернышевский. Общая численность этих кружков составляла уже порядка 3000 человек, и находились они в 14 городах России, где имелись высшие учебные заведения.

«Разрушить все верования, разрушить все предрассудки, поднять руку на прежние идолы, без снисхождения и жалости», – вот программный лозунг этого движения, сформулированный Герценом. Но эти лозунги адресовались адептам движения. Для крестьян формулировалась простая программа, соответствующая названию организации. Но, вместо того, чтобы сосредоточиться на помощи крестьянам в реализации справедливых требований по земельному вопросу, они попытались призвать их к свержению самодержавия. Герцен и Чернышевский были уверены, что крестьяне только и мечтают об уничтожении ненавистного им царского режима. Но последующие события показали всю глубину непонимания ими сущности народной жизни.

Состав организации был достаточно пестрым. Помимо Чернышевского, в нее входили такие известные личности, как: Иван Шамшин, будущий пред-

седатель Верховного суда, сенатор, член Государственного совета, действительный тайный советник²; Николай Обручев,

Николай Серно-Соловьевич
1834-1866

будущий Начальник Главного штаба, генерал от инфантерии; его двоюродный брат, будущий генерал-лейтенант Владимир Обручев, прототип Рахметова из «Что делать»; поэт-сатирик Василий Курочкин; офицеры, братья Николай и Александр Серно-Соловьевичи; Сергей Рымаренко, Александр Слепцов и другие. Все они на момент создания общества

были достаточно молоды. Руководителем организации был Николай Серно-Соловьевич.

В том же году произошли массовые волнения студентов в Казанском и Петербургском университетах. Волнения были связаны с резким повышением платы за обучение и запретом студенческих касс взаимопомощи. Сотни участников волнений были исключены из университетов с запретом устройства

Владимир Обручев
1836 1912

на государственную службу. Тогда Герцен и Чернышевский призвали их «идти в народ», поднимать крестьян на социалистическую революцию.

Василий Курочкин
1831-1875

Однако, надежды на скорую крестьянскую революцию, естественно, не оправдались. В том же году руководство организации во главе с Чернышевским было арестовано, и в 1864 году «Земля и воля» самораспустилась. Но люди, зараженные вирусом революции, остались. И, несмотря на достаточно раннюю смерть кумиров первого поколения интеллигентов – Белинского, Грановского и Добролюбова, на отказ многих ее повзрослевших адептов

² Высший, после канцлера, государственный чин в табели о рангах (ваше высокопревосходительство).

от основных идей этой группы, интеллигенция продолжала жить и развиваться. И, прежде всего, ее торжество наблюдалось в университетской среде.

Во втором поколении 60-70-х годов наблюдался существенный рост численности интеллигенции, причем как радикальной, так и либеральной ее части. Это объяснялось как ростом числа высших учебных заведений и количества студентов в них, так и все возрастающей долей преподавателей–интеллигентов и, соответственно, растущей долей представителей молодежной субкультуры интеллигенции в студенческой среде. Хотя конкуренция в борьбе за умы студенческой молодежи в эти годы сохранилась.

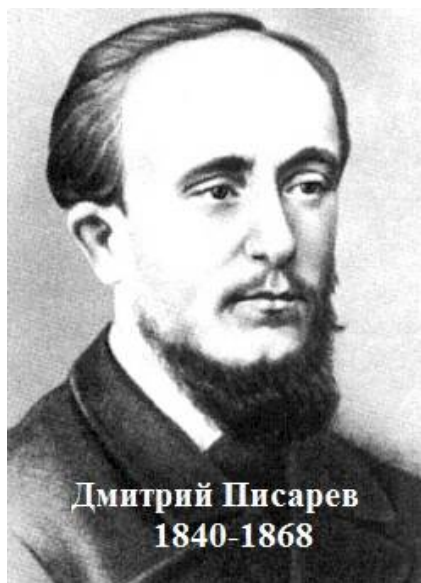
В начале 60-х годов эстафету славянофилов подхватили «почвенники». Идеологическое течение почвенников сложилось вокруг фигуры Достоевского и его журнала «Время», а затем «Эпоха». Идеологами и пропагандистами этого течения, помимо самого писателя, были – критик и поэт Аполлон Григорьев и публицист Николай Страхов. Почвенники признавали особой миссией русского народа спасение всего человечества, проповедовали идею сближения «образованного общества» с народом («национальной почвой») на религиозно-этической основе. Со славянофильством их связывало стремление обнаружить в русском народе, в патриархальности русского крестьянства нравственную сущность национального характера, а также отрицательное отношение к революции, к идеям западноевропейского и русского социализма. То есть, с точки зрения либеральных интеллигентов они были абсолютными мракобесами.

Вместе с тем представители этого направления признавали положительные начала и в западничестве. Хотя и обличали «гнилой Запад» за его буржуазность и бездуховность, противопоставляя им христианские идеалы. В тот период Достоевский ратовал за сближение западничества, славянофильства, «официальной народности» и православия, за «слияние» всего «просвещенного общества с народом в традиционно устоявшиеся формы русского быта — общину и земство».

Другим идеологическим течением, привлечшим на свою сторону значительную часть образованной элиты русского общества, стал консерватизм.

Идеологическим знаменем консерваторов был журнал «Русский вестник», издававшийся Михаилом Катковым с 1856 года и газета «Московские ведомости», которую он начал издавать с 1863 года совместно с Константином Леонтьевым. Благодаря организаторскому и публицистическому таланту Каткова «Московские ведомости» стали самой влиятельной и популярной газетой своего времени. А ее издатели – основоположниками русского консерватизма.

В журнале впервые публикуются «Накануне» (1860) и «Отцы и дети» Тургенева. Обиженный на молодых революционных демократов, изгнавших его из «Современника», где публиковались его первые значительные произведения, он создает несколько утрированный образ нигилиста Базарова, в котором угадывается также рано ушедший из жизни Добролюбов. Но, вопреки Тургеневу, именно после появления «Отцов и детей» термин нигилизм обрел положительную коннотацию и широкое подражательство среди студенческой молодежи.

Дмитрий Писарев
1840-1868

Этому способствовала статья талантливого критика Дмитрия Писарева «Базаров», в которой он выразил восхищение главным героем романа, обнаружив в нем те качества, о которых не предполагал даже сам автор. И роман Чернышевского «Что делать», написанный в 1863 году, как считали многие, был ответом Тургеневу на не совсем «правильную» трактовку образа нигилиста. Тургенев, на которого после выхода романа ополчилась было «прогрессивная» молодежь, благодаря статье Писарева, с которой он покаянно согласился, был вновь восстановлен в звании великого писателя, а 60-е годы в молодежной субкультуре интеллигенции прошли под знаком нигилизма.

Вскоре в том же «Русском вестнике» был опубликован первый антинигилистический роман «Взбаламученное море» (1863) Алексея Писемского. В нем автор показывает ложность революционных социалистических идей Герцена и «нелепость» и «глупость» его молодых последователей, пытающихся

внедрить эти идеи в сознание народа. За первым антинигилистическим романом последовал второй – «На ножах» (1870) Николая Лескова, в котором он поднимает проблему «примыкания мошенничества» ко всякому общественно-политическому движению. Наконец, в «Русском вестнике» печатаются «Бесы» Достоевского. Также в этом журнале появились такие значительные произведения, как «Война и мир» Толстого и «Преступление и наказание» Достоевского.

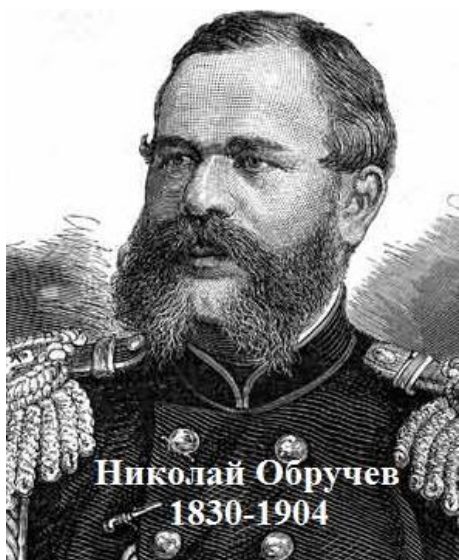
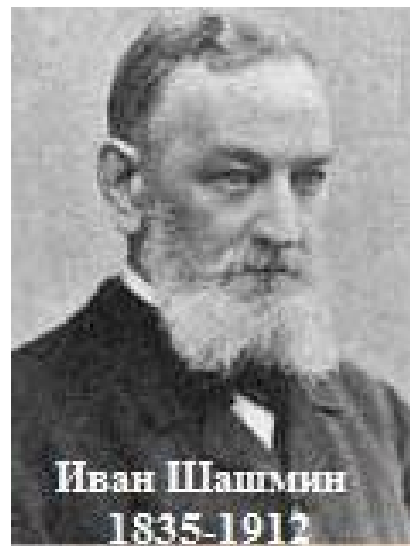
Либеральное крыло русской интеллигенции объединилось вокруг журнала с говорящим названием «Вестник Европы», который начал выходить с 1866 года. Туда из «Русского вестника» перешел Тургенев, по идейным соображениям порвавший с Катковым. Там же печатались уже известные нам: Боборыкин, Островский и Гончаров. Кроме литераторов, в журнале сотрудничали историки Кавелин и Соловьев, а позже такие известные ученые как: Климент Тимирязев, Иван Сеченов, Илья Мечников, Анатолий Кони.

Помимо «Вестника Европы», рупором либеральной интеллигенции с 1868 года становится журнал «Отечественные записки», где царит Михаил Салтыков-Щедрин. Радикалы же, после закрытия в 1866 году «Современника», помимо герценовского «Колокола», объединяются вокруг журнала «Дело».

Приход в редакцию «Вестника Европы» известного юриста Анатолия Кони, сына уже упоминавшегося художника Федора Кони, символизирует возникновение такого нового явления, как потомственная интеллигенция. То есть русская интеллигенция из консорции – кратковременного комплиментарного объединения группы людей, связанных единой целью, постепенно начинает переходить в конвикцию – устойчивую группу людей с однохарактерным бытом и семейными связями. Хотя и во втором поколении «личные» интеллигенты пока еще значительно преобладают над «потомственными», и говорить об окончательном формировании конвикции было еще рано.

На примере членов «Земли и воли» видно, что тенденции неустойчивости состава молодежной субкультуры интеллигенции сохранялись и во втором поколении. Только братья Серно-Соловьевичи и Рымаренко в дальнейшем продолжили революционную деятельность. Слепцов в дальнейшем работал в министерстве народного просвещения, Курочкин сосредоточился на литературе. Оба они перешли в стан интеллигентов-либералов. Владимир Обручев (Рахметов) после каторги и ссылки пошел добровольцем на русско-турецкую войну. Ему были возвращены все права дворянского состояния и звание поручика. В дальнейшем он дослужился до звания генерал-лейтенанта. Шамшин же и Николай Обручев, преодолев заблуждения молодости, после начала комплексных либеральных реформ Александра II вообще покинули лагерь интеллигенции, став выдающимися государственными деятелями.

Реформы Александра II действительно носили комплексный характер. В 1864 году была осуществлена реформа местного самоуправления. Вся хозяйственная деятельность в губерниях и уездах отдавалась в земское управление. В них избирались всесословные земские собрания, которые выбирали исполнительные органы - уездные, городские и губернские управы. В ведении земства находились школы, больницы, дороги, мосты, страхование, взаимопомощь и многое другое. Причем, предполагалось, что функции земского самоуправления будут постоянно расширяться.

Освобождаемые крестьяне также получили общинное самоуправление по образцу государственных. Были созданы сельские общины самоуправле-

ния с выборными мировыми судьями и сельскими старостами. То есть, в ведение общины были переданы все гражданские и даже часть уголовных дел ее членов. Арендовали и выкупали земли у помещиков они по-прежнему от имени всей общины. То есть, и после отмены крепостного права общинная форма крестьянской жизни разрушена не была.

В том же году была проведена судебная реформа. Суды также стали всеобщими. Для решения мелких гражданских дел был введен институт выборных мировых судей. Для рассмотрения важных гражданских и уголовных дел создавались окружные суды. Их судьям была дана независимость и несменяемость. Высшими судебными инстанциями становились судебные палаты и Сенат. По наиболее важным делам был введен суд присяжных. Создана прокуратура и адвокатура, а также институт судебных следователей. Были определены точные сроки всех судебных действий. Таким образом, россияне получили «суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных».

Одновременно, была осуществлена и реформа образования. Университеты получили внутреннюю автономию. Был введен институт вольнослушателей. Училища и гимназии всех уровней были открыты для всех без различия звания и вероисповедания. Правда, гимназии по-прежнему оставались платными. Была создана обширная сеть земских начальных училищ. Создавались первые женские гимназии и высшие училища (врачей и учителей).

Казалось бы, интеллигенция должна была поддержать либеральные начинания самодержца, которые во многом отвечали и их чаяниям. Но, как мы уже отмечали выше, негативное мироощущение, на котором строилась субкультура интеллигенции, и связанное с ним чувство ненависти, во втором поколении перешла на новый уровень. От конкретного императора оно распространилось на самодержавный институт в целом. Хотя либеральная часть первого поколения интеллигенции отказалась явно поддержать революционеров, но большого влияния на процессы в обществе это не оказало, так как в тот период либералы авторитетом в молодежной среде уже не пользовались.

Создается впечатление, что радикальная интеллигенция испугалась того,

что успехи реформ могут лишить их поддержки в обществе. И потому они объявили настоящую охоту на их проводника. Для них главное было, как ни странно, не допустить дальнейшего развития реформ. Если представить тогдашнюю Россию в виде парового котла, подогреваемого социальными и экономическими проблемами, то либеральные реформы представляли собой предохранительный клапан, стравливающий избыточное давление. Поэтому революционные демократы стремились любыми средствами забить этот клапан. Отсюда следует, что их конечной целью было создание условий, при которых этот котел разнесло бы на куски. «Страсть к разрушению – есть творческая страсть». Эти слова Бакунина нашли понимание в части студенческой среды.

Всего на Александра II было совершено шесть покушений. Первым, в 1866 году неудачную попытку совершил Дмитрий Каракозов, бывший студент Московского университета. В 1865 году он покинул университет и вступил в революционную организацию своего двоюродного брата Николая Ишутина, также вольнослушателя московского университета. После самороспуска «Земли и воли» Ишутин объединил вокруг своего московского общества «Организация» студенческие кружки Петербурга, Саратова и ряда других городов. По мотивам «Что делать» Чернышевского он создал социалистическое общежитие с кассой взаимопомощи, мастерскими, бесплатной библиотекой и школой для детей из беднейших слоев. «Мы сделаем из этих малышей революционеров» - мечтал он.

Для общего руководство и надзора за разветвленной «Организацией» им было создано тайное общество «Ад» – боевая организация, впервые объявившая индивидуальный террор средством приближения крестьянской революции. Ишутин стал первым профессиональным революционером, провозгласившим принцип – «цель оправдывает средства».

В прокламации, найденной у Каракозова, были такие строки: «... поги-

бают мой любимый народ, и вот я решил уничтожить царя-злодея... я умру с мыслью, что смертью своею принес пользу дорогому моему другу – русскому мужику». Вопрос о том, нужна ли «дорогому другу» смерть «царя-злодея» у Каракозова, как и у всех его соратников, сомнения не вызывал.

После покушения Каракозов был казнен. Общество Ишутина разгромлено. Но, несмотря на наивность молодых интеллигентов-революционеров, своей цели в некотором смысле они добились. Наступила реакция на либеральные реформы. Был заменен либеральный министр народного просвещения, изменен университетский устав. Были закрыты журналы революционных демократов «Современник» и «Русское слово», идейным руководителем которого был Писарев. Независимые суды и земские учреждения были поставлены под контроль губернаторов. Вместо постепенного расширения функций земства началось их сокращение.

Действия правительства, разумеется, вызвали благородное негодование прогрессивной общественности. В результате ненависть к самодержавию и всему русскому строю жизни в среде интеллигенции только углублялась. Эту коллизию как всегда первыми ощутили выдающиеся русские писатели.

Федор Тютчев в письме дочери в 1867 году отмечал: ««...Можно было бы дать анализ современного явления, приобретающего все более патологический характер. Это русофобия некоторых русских людей... Раньше они говорили нам, и они действительно так считали, что в России им ненавистно бесправие, отсутствие свободы печати и т.д. и т.п., что именно бесспорным наличием в ней всего этого им и нравится Европа... А теперь что мы видим? По мере того, как Россия, добиваясь большей свободы, все более самоутверждается, нелюбовь к ней этих господ только усиливается. Они никогда так сильно не ненавидели прежние установления, как ненавидят современные направления общественной мысли в России. Что же касается Европы, то, как мы видим, никакие нарушения в области правосудия, нравственности и даже цивилизации нисколько не уменьшили их расположения к ней...»».

Вообще, для оценки процессов формирования и состава интеллигенции,

фигура Тютчева крайне интересна. Сразу после окончания Московского университета, Федор Иванович 23 года провел на дипломатической службе за границей. Там он имел возможность досконально ознакомиться с западной культурой и всеми «передовыми» течениями философской мысли. Сразу по возвращению в Россию в 1844 году, как поэт он вошел в кружок Белинского.

Казалось бы, сама судьба уготовила Тютчеву стать западником и интеллигентом. Но глубокий, самостоятельный ум и какой-то внутренний нравственный стержень, позволили ему критически взглянуть на западную цивилизацию и ее русских апологетов. Судьба Тютчева, Достоевского и многих других показывает, что далеко не все образованные и творческие люди, даже закончившие московский университет и побывавшие за границей, испытывали восторг перед западной культурой и тоску от того, что им не посчастливилось родиться в России.

В 1867 году Федор Иванович, которого Соколов также умудрился записать в интеллигенты, пишет короткое, но емкое стихотворение, в котором точно показывает сущность западной интеллигенции и отношение европейцев к России.

Напрасный труд – нет, их не вразумишь, –
 Чем либеральней, тем они пошлее,
 Цивилизация – для них фетиш,
 Но недоступна им ее идея.
 Как перед ней ни гнитесь, господа,
 Вам не снискать признанья от Европы:
 В ее глазах вы будете всегда
 Не слуги просвещения, а холопы.

Ему вторит Федор Достоевский в романе «Идиот»: «... русский либерализм... есть нападение на самую сущность наших вещей... на самую Россию. Мой либерал дошел до того, что отрицает самую Россию, то есть ненавидит и бьет свою мать... Если есть для него оправдание, так разве в том, что он не понимает, что делает, и свою ненависть к России принимает за самый плодотворный либерализм... Эту ненависть к России, еще не так давно, иные либералы наши принимали чуть не за истинную любовь к

Федор Достоевский
 1821-1881

отечеству и хвалились тем, что видят лучше других, в чем она должна состоять; но теперь уже стали откровеннее и даже слова "любовь к отечеству" стали стыдиться, даже понятие изгнали и устранили как вредное и ничтожное. ...Такого не может быть либерала нигде, который бы самое отечество свое ненавидел...».

В 1868-69 годах по стране прокатились новая волна студенческих волнений. В это время в России было уже более 40 высших учебных заведений, в том числе 8 университетов (Московский, Петербургский, Казанский, Харьковский, Новороссийский, Киевский, Дерптский и Варшавский). По данным министерства народного просвещения, только в университетах на 1 января 1869 года было 5566 студентов и 419 вольнослушателей.

Формальной причиной стало требование расширения студенческого самоуправления и протесты против введения «Правил о надзоре за студентами...», принятыми в 1867 году. Но еще одной причиной волнений были вновь вспыхнувшие надежды на организацию крестьянской революции по причине возникшего в России в 1868 году страшного голода. Надежды эти питали пока еще немногочисленные представители радикального крыла студенчества, пытавшиеся перевести студенческие волнения в политическое русло.

Сергей Нечаев
1847-1882

В этих волнениях впервые проявилось явление, впоследствии названное «нечаевщиной». Ее прототип, вольнослушатель Петербургского университета Сергей Нечаев вместе с другим радикальным фанатиком, выпускником Петербургского университета Петром Ткачевым, пытался поднять студентов на организацию революции. В своей деятельности он широко применял методы мистификации и провокации. Так же как и его идейный предшественник Ишутин, он придерживался принципа «цель оправдывает средства». Но в средствах этих пошел гораздо дальше предшественника.

Потерпев неудачу в России, Нечаев несколько месяцев провел в Женеве у Бакунина. Там он представился лидером несуществующей мощной революционной организации. Под это Нечаев получил деньги из революционного фонда Герцена и мандат от «Всемирного революционного союза» Бакунина. За время пребывания за границей, совместно с Бакуниным он написал знаменитый и чудовищный по содержанию «Катехизис революционера», ставший, впоследствии, руководством к действию русского революционного терроризма. «Революционер, – писал Нечаев, – человек обреченный; у него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни имени... Он знает только науку разрушения... Он презирает общественное мнение, презирает и ненавидит нынешнюю общественную нравственность».

Вернувшись в том же году в Россию, из студентов Петровской сельскохозяйственной академии Нечаев организовал боевую организацию – тайное общество «Народная расправа». Чтобы связать участников кровью, он организовал убийство студента Иванова, одного из членов организации, обвинив его в предательстве.

Впечатление от нечаевщины было столь ужасным, что ее осудили даже наиболее радикальные русские революционеры того времени. И в течение почти десяти лет терроризм не применялся как метод борьбы. Однако период нравственной безгливости в революционном движении быстро прошел. И уже в 80-е годы положения «Катехизиса» стали руководством к действию революционеров-террористов.

После нечаевской истории Достоевский освободился от последних иллюзий относительно формировавшейся интеллигенции и дал ей определение, вынесенное в заголовок романа. В «Бесах» Петруша Верховенский, прототипом которого был Нечаев, не случайно представлен сыном Степана Тимофеевича, прототипом которого является Грановского. Этим Достоевский показал ответственность либеральной интеллигенции за появление бесов революции.

Еще в 1867 году, после покушения Каракозова, Федор Михайлович порвал всякие отношения с Тургеневым. И не по личным, а по идеологическим

причинам. Ну а деятельность Нечаева окончательно развеяла его иллюзии относительно возможности «слияния» всего «просвещенного общества с народом в традиционно устоявшиеся формы русского быта — общину и земство». А вместе с этими иллюзиями с политического небосклона уходит и «почвенничество», идейным лидером которого был Достоевский.

Теперь он окончательно понял бесовскую сущность этого феномена. «Они первые были бы страшно несчастливы, если бы Россия как-нибудь вдруг перестроилась, хотя бы даже на их лад, и как-нибудь вдруг стала безмерно богата и счастлива. Некого было бы им тогда ненавидеть, не на кого плевать, не над чем издеваться! Тут одна только животная, бесконечная ненависть к России, в организм ввевшаяся...» — произносит один из героев его романа.

После начала земской реформы значительная часть выходцев из молодежной студенческой субкультуры интеллигенции, по окончании университетов устремилась на работу в уездные земские управы, где они нанимались врачами, агрономами, статистиками и т.д. То есть, после 1864 года началось формирование земской интеллигенции.

Поначалу в ней преобладало либеральное течение. Земские интеллигенты ставили благородные цели организации здравоохранения простого народа, увеличение его благосостояния. Ну и, естественно, «улучшения нравов». Без этой сверхзадачи интеллигент не мыслился (вспомним соколовское «формирование смыслов»).

К середине 80-х годов общая численность земских наемных служащих достигла 23 тысяч человек. Но подавляющее большинство из них (около 20 тысяч) составляли земские учителя.

В отличие от учителей губернских гимназий и уездных училищ, земские учителя не считались государственными служащими. Их подготовка осуществлялась в земских учительских школах. Большинство учителей было выходцами из крестьян, духовенства и мещан, преимущественно девушки.

Они получали от земств нищенскую зарплату, жили в страшной бедности, не имея средств на самое необходимое, не говоря уже о покупке книг или

выписке журналов. На пенсию или пособие по нетрудоспособности они претендовать не могли. Часто были вынуждены искать дополнительный приработок. Их подготовку каждое земство организовывало самостоятельно. Уровень ее был крайне низок. Авторитетом у крестьянских общин они не пользовались. В связи с этим в первые десятилетия земской реформы наблюдался массовый уход земских учителей из профессии. Все это очень напоминает положение российских учителей в 90-е годы XX века. Только последние все же в основном имели высшее образование.

Таким образом, попытки некоторых исследователей записать земских учителей в интеллигенцию, на мой взгляд, являются необоснованными. Прежде всего, они не соответствовали основному критерию – образованности. Земские учителя, по крайней мере, во второй половине XIX века не были допускаемы в «высший» уездный свет, где витали «идеи». Не имели средств, чтобы выписывать «прогрессивные» журналы. То есть не имели ни возможностей, ни времени, ни сил, чтобы пропитаться духом «высокой интеллигентности».

Основу земской интеллигенции составляли немногочисленные, но хорошо образованные земские врачи. Например, в 1866 году на всю Россию было только 283 земских доктора. И число их росло очень медленно, так как оплачивались они на порядок выше учителей, и средств на их содержание у земств всегда катастрофически не хватало. Даже к 1910 году в земских больницах работало всего 3802 врача.

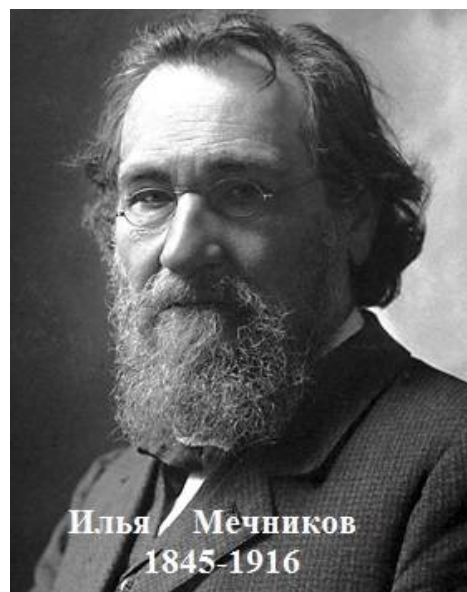
Врачи в России того времени были самым организованным профессиональным сообществом. Они делились на четыре категории: военные, гражданские, частной практики и земские. Первые две были государственными служащими, получали от государства жалование и чины. Наибольшие доходы имели успешные частные врачи. Российские врачи проводили регулярные Медицинские съезды, проходившие с 1885 года, на которых поднимались не только профессиональные, но и общественные вопросы. В промежутках между съездами действовали постоянные комиссии, решавшие конкретные вопросы здравоохранения.

Пожалуй, ни одно профессиональное сообщество России не имела такого количества блистательных имен, как российская медицина. Федор Иноземцев – пионер операций с применением эфирного наркоза, противохолерных капель и основатель клинического метода преподавания медицины.

Николай Пирогов – основоположник военно-полевой хирургии и выдающийся ученый-анатом. Иван Сеченов – выдающийся микробиолог, основатель школы психиатрии. Николай Склифосовский – основатель хирургии патологии и пионер внедрения антисептиков. Федор Эрисман – пионер гигиены в России. Илья Мечников – выдающийся физиолог, лауреат Нобелевской премии. Юрий Чудновский – выдающийся терапевт и диагност. Сергей Боткин – выдающийся терапевт и физиолог. Нил Филатов – земский врач и основоположник русской педиатрической школы. Иван Павлов – создатель науки о высшей нервной деятельности, лауреат Нобелевской премии.

Земские врачи быстро встроились в это сплоченное сообщество. Работая с беднейшими слоями населения, первые поколения земских врачей внесли значительный вклад в развитие санитарной медицины, выдвинув Россию на одно из ведущих мест среди стран Европы. Земские врачи быстро организовались, создав уездные медицинские общества. Самое активное участие они принимали и в Медицинских съездах.

Работа земских врачей была тяжелой и опасной и, к тому же, среди всех категорий врачей – самой низкооплачиваемой. На одного врача приходилось до 6000 пациентов, а размер врачебного округа простирался от 30-40 км в Московской губернии, до 150-200 км в сибирских уездах. Кроме того, Россию в

Работа земских врачей была тяжелой и опасной и, к тому же, среди всех категорий врачей – самой низкооплачиваемой. На одного врача приходилось до 6000 пациентов, а размер врачебного округа простирался от 30-40 км в Московской губернии, до 150-200 км в сибирских уездах. Кроме того, Россию в

XIX постоянно сотрясали эпидемии опасных болезней, таких как чума, сыпной тиф и холера. Во время одной из таких эпидемий холеры и тифа в 1893 году погибло 88 врачей – 60% от всех, работавших в зоне эпидемии.

Пожалуй, среди всех слоев русской интеллигенции только земские врачи заслуживали искреннее уважение. Только у них, в отличие от салонных болтунов, служение народу носило вполне конкретный, а часто и трагических характер. Но возникает вопрос – а можно ли их вообще относить к интеллигенции. Я думаю, что в первые десятилетия, пока интеллигенция еще не переросла в конвикцию, охватившую подавляющую часть образованных разночинцев, большинство земских врачей честно исполняли свой тяжелый долг, взятый на себя добровольно, и философствованием и политикой не занимались. Тяжелый и опасный труд быстро избавлял их от «идей», приобретенных во времена студенческой молодости.

Но в 90-е годы, под воздействием общего настроения в обществе, земские врачи также приняла активное участие в политической борьбе. Часть их, в основном выходцы из дворянского сословия, стали активными участниками либерального движения, возникшего на базе земских учреждений. В дальнейшем они пополнили собой ряды партий либерального толка и, прежде всего, кадетов. Большая же часть поддержала сначала движение «народников», а затем вошла в состав различных партий социалистического направления.

Это, пожалуй, единственная социальная группа, радикализация которой была если не оправданной, то, крайней мере, – объяснимой. Многолетняя безуспешная борьба со страшными эпидемиями укрепила их в мысли, что в условиях существующей политической системы добиться существенного улучшения санитарной обстановки в России невозможно.

Как итог, на внеочередном Пироговском съезде в 1905 году прозвучало радикальное заявление. «Мы, русские врачи... пришли к тому глубокому убеждению, что с эпидемиями, имеющими характер народных бедствий... при существующем у нас государственном строе бороться нельзя, а потому рус-

ские врачи приглашают общество принять самые энергичные меры к тому чтобы, прежде всего, весь государственный строй России был изменен».

Рассмотрим теперь политические настроения не только среди наемных работников, но и в самих земствах. В составе губернских земских собраний преобладало дворянство, составлявшее 85-95% всех гласных. Остальные места занимали представители купечества. Крестьян и духовных лиц было единицы. В уездных собраниях дворяне составляли более 50%, крестьяне 30-35%. Остальные места занимало купечество. Благодаря подавляющему преобладанию дворянства, в большинстве своем земства занимались местными проблемами и в политику не вмешивались. Лишь незначительная часть либерального дворянства пыталась поднимать политические вопросы.

Российский историк Наталья Пирумова подсчитала, что за всю историю земства к либеральному движению можно отнести не более 300 гласных, участвовавших в работе полулегальных или нелегальных либеральных организаций или выступавших в либеральной прессе. Тем не менее, звучавшие в некоторых земских адресах монарху просьбы о введении конституции, о созыве представительного земского органа при государе, сильно напугали правительство и способствовали дальнейшему «закручиванию гаек» в деле развития земского самоуправления.

В молодежной же субкультуре интеллигенции пассивный нигилизм в 70-е годы сменился идеями подготовки социалистической революции в деревне. Можно сказать, что в это период концепт субкультуры интеллигенции несколько скорректировался и формулировался как: образованный и креативный человек, руководствующийся не только разумом, но и чувствами совести, эмоциями сострадания к «народу», ненависти к самодержавию и благоговения перед Западной культурой.

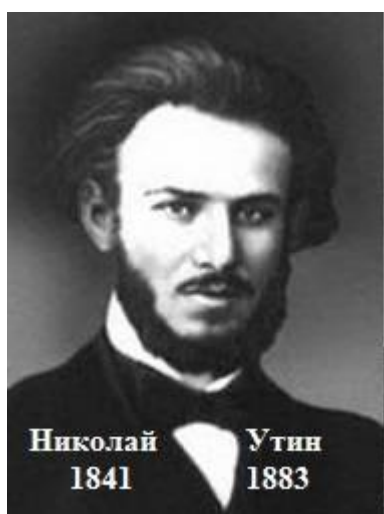
В этот период в ряды интеллигенции, особенно революционной ее части, вливается еще одна мощная струя. Среди русских интеллигентов появляются и постепенно приобретают все больший вес евреи.

Еще в 1844 году николаевское правительство предприняло очередную попытку ассимиляции евреев. Был издан судьбоносный указ о ликвидации кагальной автономии евреев и передаче всех внутренних дел, сбор государственных податей и особых налогов на нужды еврейских общин в ведение городских магистратов. Последствия этого шага, прежде всего, для самого самодержавия, были весьма печальными. Как отмечал Г. Синайский, редактор сайта «Иудаизм против сионизма»: «Массы евреев, отошедшие от веры и принявшие такое активное участие в революции, возникли именно из-за отмены кагальной автономии».

Либерализация жизни общества при Александре II коснулась и евреев. Был принят ряд мер, направленных на интеграцию еврейства в российское общество через повышение его образовательного уровня. Прежде всего, для них была отменена обязательность изучения основ православия в школах и гимназиях. В 1861 году последовало разрешение евреям, окончившим университетский курс, селиться в Великороссии и занимать различные государственные должности. Еще раньше право на проживание за чертой оседлости получили купцы и финансисты. А в 1879 году специалисты со средним образованием: аптекари, медсестры, акушеры, дантисты также получили право проживать в коренной России. Эти меры дали неожиданные результаты. Если при Николае евреи успешно бойкотировали попытки правительства забрать их детей в государственные школы, то теперь еврейские массы, освобожденные от кагальной опеки, буквально бросились в школы, гимназии и университеты, сметая на своем пути все преграды и цензы. И начался процесс их активной эмансипации. Благодаря своему упорству, трудолюбию и талантам, множество евреев заняло достойное место среди инженеров, ученых, врачей, адвокатов, деятелей искусства. В конце XIX века появились первые еврейские писатели и поэты, а также известные художники, композиторы и музыканты, также ставшие частью либеральной интеллигенции. И с этого момента консорция интеллигенции из этнической переросла в межэтническую.

Но среди народов Российской империи именно евреи менее всего имели

основание поддерживать русское самодержавие. Они были энергичным, полным пассионарной энергии этносом, «нацией вечной эрекции» по выражению Василия Розанова. Поэтому значительная часть из них, оторванная от кагала, но не сумевшая найти себя в новых условиях, под влиянием идей атеизма, нигилизма, а затем и марксизма, пополнила ряды революционной интеллигенции. Наиболее радикальная часть из них, вместе с такими же отщепенцами из русской среды и других российских народов образовали внеэтническую группу «профессиональных революционеров», ориентированную на разрушение не только самодержавия, но и всяких национальных традиций и верований.

Уже в студенческих волнениях 1861 в столице впервые участвовали евреи: Михоэлас, Ген и Утин. Последний позднее, в иммиграции стал секретарем Русской секции 1-го Интернационала.

В 70-е годы поток еврейских студентов буквально хлынул в народничество. И их численность в революционных организациях непрерывно росла. По данным Юлия Гессена, историка еврейского народа, к 1880 году среди 1054 лиц, арестованных за антиправительственную деятельность, евреи составляли 6.5%, что уже несколько превышало процент евреев среди населения России. А к 1905 году, по данным командующего Сибирским военным округом генерала Сухотина среди всех поднадзорных Сибири доля евреев достигла 37%.

В 70-е годы появляются не только рядовые участники, но даже руководители народничества. Прежде всего, необходимо упомянуть такую яркую личность, как Марк Натансон. В 1869 году, в девятнадцать лет, будучи студентом Медико-хирургической академии, Натансон принимает активное участие в революционном движении, став одним из организаторов объединительного

народнического кружка «чайковцев». Помимо самого Николая Чайковского, в

Петр Кропоткин
1842-1921

будущем известного революционного публициста и одного из основателей партии эсеров, в этот кружок входили такие известные личности, как: князь Петр Кропоткин, к тому моменту уже известный ученый географ, а в будущем – идеолог анархизма; будущие руководители «Народной воли» Лев Тихомиров и Софья Перовская; а также будущий известный писатель и террорист Сергей Степняк-

Кравчинский.

В 1876 году Натансон, едва вернувшись из ссылки, которую отбывал с 1872 года, стал одним из инициаторов изменения тактики знаменитого «хождения в народ» – от выездной агитации к постоянному поселению в деревне. В том же году он организовал знаменитый побег Кропоткина из тюремной больницы. И тогда же, совместно с Георгием Плехановым, организовал первую в России демонстрацию рабочих под красным знаменем на Казанской площади Петербурга. В 1876-1877 годах, до очередного ареста и ссылки,

Лев Тихомиров
1852-1923

он успел провести большую организационную работу, завершившуюся объединением разрозненных народнических кружков всех направлений в единую организацию, которая в 1878 году вернула старое название – «Земля и воля». Позднее, в 1904 году Натансон стал одним из лидеров партии эсеров. Наконец, в 1917 году он возглавил партию левых эсеров.

Георгий Плеханов
1856-1918

К началу 70-х годов идея свержения

самодержавия посредством крестьянской революции выкристаллизовалась окончательно. Интеллигент-народник в это время все свои надежды и чаяния возлагал на простого мужика, считая, что крестьянская община уже содержит в себе зачатки социализма. И готов был преклоняться перед крестьянином-общинником, считая, что ему нужно только немного помочь осознать свою историческую миссию. В этом с ним был согласен и славянофил и «почвенник», только первый видел в крестьянской общине и земстве залог возрождения традиций допетровской Руси, а второй – оплот укрепления самодержавной России.

Эти восторги интеллигентов и почвенников по поводу крестьянства едко высмеял Алексей Константинович Толстой в сатирической поэме «Поток Богатырь», написанной в 1871 году:

«И, увидя Потока, к нему свысока
 Патриот обратился сурово:
 «Говори, уважаешь ли ты мужика?»
 Но Поток вопрошает: «Какого?»
 «Мужика вообще, что смиреньем велик!»
 Но Поток говорит: «Есть мужик и мужик:
 Если он не пропьет урожаю,
 Я тогда мужика уважаю!»
 «Феодал! - закричал на него патриот, -
 Знай, что только в народе спасенье!»
 Но Поток говорит: «Я ведь тоже народ,
 Так за что ж для меня исключенье?»
 Но к нему патриот: «Ты народ, да не тот!
 Править Русью призван только черный народ!
 То по старой системе всяк равен,
 А по нашей лишь он полноправен!»

.....
 И подумал Поток: «Уж, господь борони,
 Не проснулся ли слишком я рано?
 Ведь вчера еще, лежа на брюхе, они
 Обожали московского хана,
 А сегодня велят мужика обожать!
 Мне сдается, такая потребность лежать
 То пред тем, то пред этим на брюхе
 На вчерашнем основана духе!»».

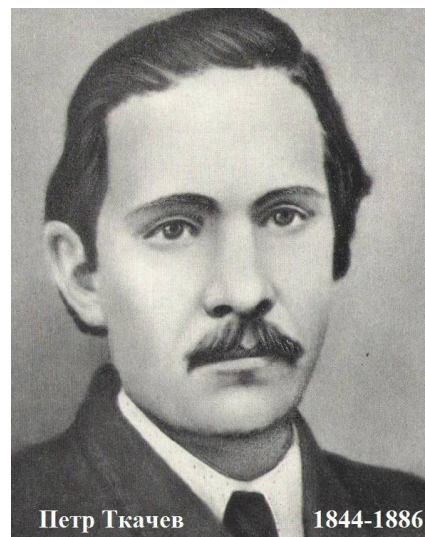
Толстой был одним из самых радикальных западников среди либеральной интеллигенции. Он утверждал, что в Киевский период Русь была европейской страной. Московский же период считал позорной страницей русской истории, где под влиянием монголов холопство и жестокость стали основными

свойствами русского народа. А избавиться от них можно только через приобщение к европейской культуре. Толстой и его сторонники не понимали, что отрицая Московский период, они фактически отрицали всю русскую историю и сам русский народ. Так как русские в современном понимании этого слова – это и есть москвичи, возникшие в XIV веке из слияния различных славянских и финских субстратов и постепенно ассимилировавшие или включившие в свою суперэтническую систему другие народы Российской империи. А Киевская Русь к современной России прямого отношения вообще не имеет.

При подготовке к «хождению в народ» среди вождей народников возникли серьезные разногласия. Выделились три основных направления: заговорщицко-террористическое, апологетом которого был соратник и последователь Нечаева Петр Ткачев; бунтарско-анархическое, выразителем которого был Бакунин и пропагандистское, за которое ратовал Петр Лавров.

Ткачев считал, что крестьянство не готово к политическим действиям и революцию должна совершить группа революционеров-заговорщиков, используя для этого все средства, включая массовый террор. Бакунин, ссылаясь на опыт пугачев-

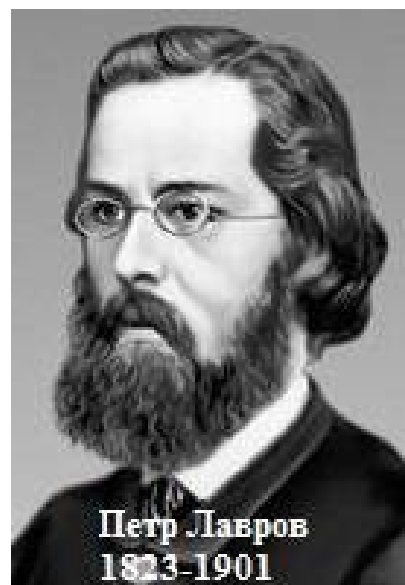

ского восстания, призывал немедленно поднимать крестьянство на революционный переворот, уничтожение государства и создание свободной федерации крестьянских общин. Лавров же предлагал идти путем постепенного поднятия революционного сознания крестьянства посредством пропаганды социалистических идей.

Все трое «борцов за народное дело»

безвылазно жили за границей, о крестьянской жизни имели весьма смутное представление, но в этой полемике готовы были поубивать друг друга.

В России же подготовкой «хождения в народ» занимался только Чайковский и члены названного его именем кружка. И хотя единого руководящего центра не было, но все же, когда в Поволжье, в 1873-74 годах случился тяжелый голод, сторонники Бакунина решились. Летом 1874 года несколько тысяч студентов, образуя «летучие» бригады, устремились в деревни и села, призывая к социалистической революции.

Петр Лавров
1823-1901

Естественно, результат был очевиден. Крестьяне проигнорировали благородные порывы и сдали агитаторов полиции. Если первое слово в названии организации находило у крестьян полное сочувствие, то по второму они сразу же обращались к капитану-исправнику. В 1876 году Натансону удалось на время примирить непримиримых противников и заставить их объединиться для общего дела. Теперь уже и лавровцы вместе с бакунинцами для агитации крестьянства пошли на поселение в народ. Впрочем, с тем же результатом. К 1877 практически все агитаторы были разоблачены. Было арестовано более 4 тысяч человек. И все закончилось знаменитым процессом 193-х.

Как мы уже отмечали выше, интеллигенты сострадали не реальному русскому мужику, со всеми его достоинствами, недостатками и жизненными интересами. Они сочувствовали идеальному народу, существовавшему только в их разгоряченном мозгу. Вчерашние студенты, прослушавшие несколько курсов по философии и истории и прочитавшие несколько «умных» европейских книжек, наивно полагали, что теперь они обладают светом истинного знания, скрываемого властями от «темного» народа. И их святой долг, подобно Прометею, донести этот свет до любезного им простого мужика. И тот, озаренный этим светом, немедленно поднимется и сбросит ненавистную тиранию.

Наивность подобных взглядов просто поражает. И что же? Столкнув-

шись с реалиями жизни, наши добрые интеллигенты осознали собственную глупость? Ничуть не бывало! Во всем оказался виноват тот самый простой мужик, своим тупым упрямством загубивший такое замечательное начинание.

Иван Аксаков еще в 1862 году, после первого «хождения», не без иронии заметил: «Наши чувствительные демократы обыкновенно создают из народа какой-то идеал по образу и по подобию своему. И только в этом виде ему и сочувствуют, не признавая за ним никакого права быть самим собою, и нисколько не чинясь с истинным образом народным... Они даже не прочь в таком случае прибегнуть и к диктаторскому жезлу или просто к палке Петра Великого, чтобы сим сострадательным способом вогнать народ в рамки своего демократического подобия!».

Достоевский в «Дневнике писателя» в 1880 году отмечал: «Русскому народу ни за что в мире не простят желания быть самим собою... Все черты народа осмеяны и преданы позору. Скажут, темное царство осмеяно. Но в том-то и дело, что вместе с темным царством осмеяно и всё светлое... Самостоятельный склад наш... Демократы наши любят народ идеальный, отвлеченный, в отношении к которому тем скорее готовы исполнить свой долг, что он никогда не существовал и существовать не будет».

Еще одной существенной составляющей русской интеллигенции в 70-е годы становятся представительницы прекрасного пола. Хотя в первый, «нигилистический» период становления русских интеллигенток вышеуказанное определение было, пожалуй, не совсем уместно. Безвкусно и грязно одетые, с подчеркнута эпатажным поведением, смолящие папиросы и рассуждающие об абсурдности брака и семьи, фанатки Веры Павловны из романа «Что делать» имели мало общего с прекрасным. Особенно поражала окружающих их манера носить короткие стрижки. Так у Толстого в уже упомянутой поэме «Поток-богатырь», есть такие строки:

«В третий входит он дом, и обьял его страх:
Видит в длинной палате вонючей,
Все острижены вкруг, в сюртуках и в очках
Собралися красавицы кучей.

Про какие-то женские споря права,
 Совершают они, засуча рукава,
 Пресловутое общее дело:
 Потрошат чье-то мертвое тело .
 Ужаснулся Поток, от красавиц бежит,
 А они восклицают ехидно:
 «Ах, какой он пошляк! ах, как он неразвит!
 Современности вовсе не видно!»
 Но Поток говорит, очутясь во дворе:
 «То ж бывало у нас и на Лысой горе,
 Только ведьмы, хоть голы и босы,
 Но, по крайности, есть у них косы».

Все эти новоиспеченные нигилистки были выпускницами Высших женских курсов (учеба в университетах женщинам была запрещена). Первыми, в 1869 году в Петербурге

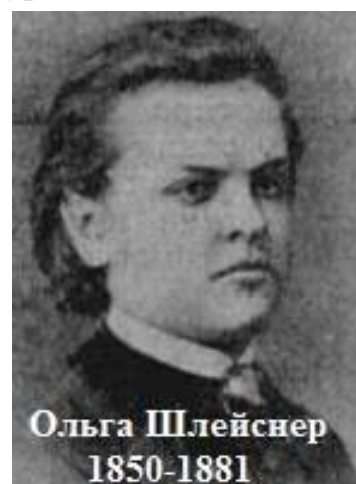
Вера Фигнер
1852-1942

Софья Перовская
1853 • 1881

были организованы Аларчинские подготовительные курсы. И уже среди первых выпускниц появились такие известные революционерки-народницы, как Софья Перовская; жена Натансона – Ольга Шлейснер и сестры Корниловы. В том же году появляются Лубянские подготовительные курсы в Москве. В 1872 году создаются первые Высшие женские курсы Гернье в

Москве и Высшие медицинские женские курсы в Петербурге. Наконец, в 1878 году Аларчинские курсы преобразуются в Высшие Бестужевские курсы, а Лубянские курсы также получают статус Высших. И многие выпускницы этих курсов в 70-е годы пополняют ряды народников. К ним еще стоит добавить такие известные личности, как выпускница Харьковских медицинских курсов Вера Засулич и студентка медицинского факультета Цюрихского университета и член цюрихского женского народнического кружка Вера Фигнер.

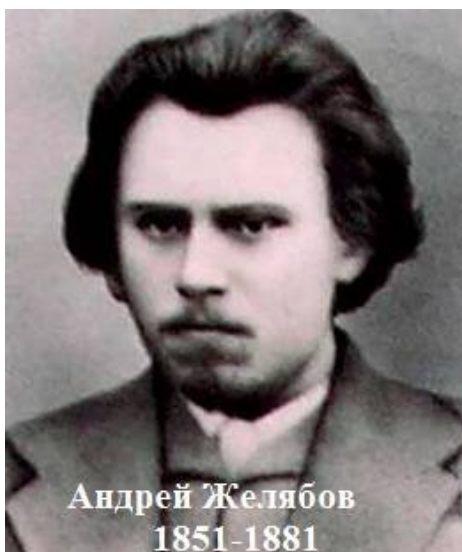
Ольга Шлейснер
1850-1881

Несмотря на аресты рядовых пропагандистов, «идейного мяса», брошенного вождями на убой, сама «Земля и воля» практически не пострадала.

Эта организация, в отличие от предшествующих, была превосходно продумана и структурирована. В ее основу был положен принцип централизации и строжайшей конспирации. Всякий член организации знал только порученное ему дело, вникать же в особенности работы других членов ему запрещалось.

Головная организация насчитывала около 200 человек. Среди ее участников были такие известные личности, как Георгий Плеханов, Александр Михайлов, Сергей Степняк-Кравчинский, Николай Морозов, Лев Тихомиров, Вера Фигнер, Софья Перовская, Андрей Желябов, Лев Дейч, Осип Аптекман, Павел Аксельрод. Основная организации контролировала сеть местных организаций и кружков, численность членов в которых достигала 3000 человек. «Земля и Воля» имела одноименный печатный орган и своего агента в тайной полиции, благодаря чему не знала ни одного провала.

Учтя негативный опыт «хождения в народ», землевольцы, сохраняя основной задачей совершение социалистической революции, главный упор в пропаганде делали на требования, исходившие из крестьянской среды: передачу всей земли крестьянам и введение общинного самоуправления. Но теперь уже, помимо крестьян, они развернули пропаганду и среди рабочих, организовав в 1878-79 годах несколько стачек в Петербурге.

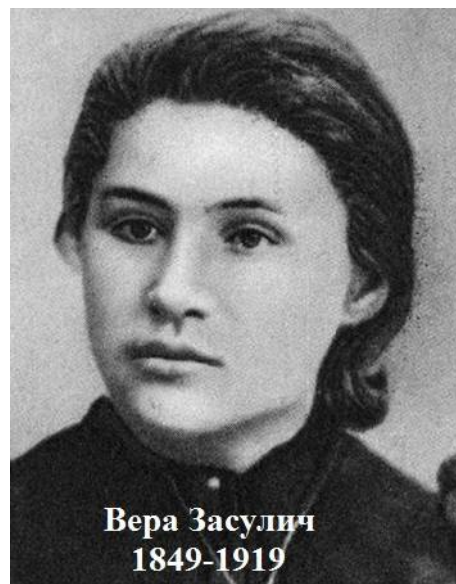
Несмотря на все усилия Лаврова, Плеханова и других сторонников пропагандистского направления, среди

землеволец зрело недовольство применяемой руководством тактикой борьбы. На это наложилось негодование прогрессивной общественности по поводу расправы «кровавого» царского режима над арестованными народниками. Негодование можно было понять. Всего лишь за какое-то подстрекательство к государственному перевороту, 28 наиболее рьяных агитаторов были приговорены к

каторжным работам на срок от 3-х до 10-ти лет, а 26 – сосланы в Сибирь. Остальные из 193-х человек были оправданы или амнистированы. От такой несправедливости у наиболее горячих революционеров буквально мог «вскипеть разум возмущенный».

И он вскипел! Процесс завершился в Петербурге 23 января 1878 года, а уже 5 февраля Вера Засулич совершила покушение на петербургского градоначальника генерала Федора Трепова, тяжело ранив его из револьвера. Вместе с этим выстрелом завершился романтический период первых поколений русской интеллигенции.

Но причем здесь интеллигенция вообще, спросите Вы? Ведь профессор Соколов ясно объяснил, что народники никакого отношения к этому священному имени не имеют. Что для них оно только псевдоним. Истинных же интеллигентов нужно искать среди наиболее выдающихся представителей либерального крыла.

Но здесь профессор неправ. И либералы и радикалы – две стороны одной медали, именуемой русская интеллигенция. Но что же между ними общего, спросите Вы? Если оставить в стороне соколовские концепты, то общими

признаками, объединяющими эту, на первый взгляд, довольно разношерстную публику, будут следующие.

Во-первых, гипертрофированное представление о собственной значимости, вытекающее из тогда еще редкой для России образованности или хотя бы из ощущения таковой. И маститый писатель Тургенев и последний студент, едва осиливший курс философии и других наук, одинаково ощущали свою исключительность и высокое предназначение.

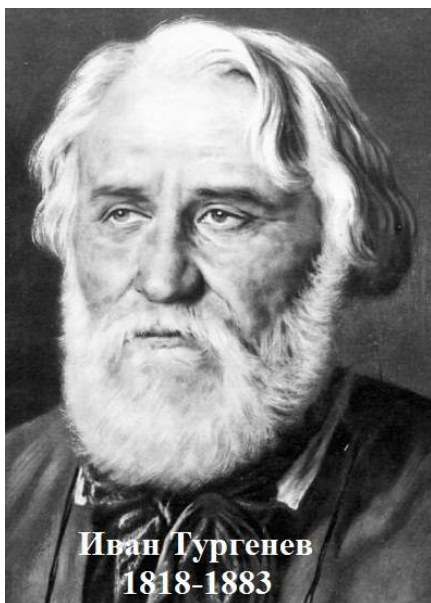
Во-вторых, презрение и даже ненависть к окружающей действительности, или говоря по научному – негативное мироощущение, из которого вытекает негативное мировоззрение. Для него характерно стремление к идеалистическому упрощению этнической системы. Когда одинаково счастливые люди в одинаковых белых одеждах будут вдыхать ароматы одинаково прекрасных цветов (вспомним бессмертное произведение Георгия Данелия).

В-третьих, антисистемное мышление, порождаемое негативным мировоззрением, для которого характерно представление об этнической системе не как о живом организме, развивающемся по природным законам, а как о механизме, законы развития которого должны формулировать и претворять в жизнь «гениальные» мыслители, к каковым и причисляет себя каждый истинный интеллигент.

Из этого у первых интеллигентов, в зависимости от уровня пассионарности и воспитания, вытекали различные сочетания «само»: самоотверженности, самопожертвования, самомнения, самовлюбленности и т.д.

То, что радикалы и либералы составляли одну референтную социальную группу интеллигенции, для неформального членства в которой необходимо признанием другими членами, хорошо видно на примере Тургенева.

Маститый писатель, после публикации в 70-е годы ряда своих произведений, вновь стал терять авторитет в среде народников. И какова же была его реакция? В Париже Тургенев сошелся с группами революционеро-иммигрантов и начал униженно каяться в «грехах». Чтобы заслужить прощение «народных радетелей», после покушения Засулич он даже написал сти-

хотворение в прозе «Пролог», в котором выразил восхищение революционной молодежью.

Итак, несмотря на разнообразие оттенков философской мысли, главным объединяющим признаком либерального и радикального крыльев интеллигенции являлось антисистемное мышление. В наше время, после 70 лет коммунистического эксперимента, антисистемное мышление настолько широко распространено, что воспринимается уже как норма. Но тогда это еще

было достаточно редким явлением, ставшим одной из родовых черт русской интеллигенции.

Еще одним характерным признаком антисистемного мышления является футуристическое ощущение времени. Прошлое с презрением отвергается. Настоящее самостоятельной ценности не имеет и рассматривается лишь как приготовление к «светлому» будущему. Поэтому для интеллигенции первых поколений и было характерно уже отмеченное выше пренебрежение бытом и карьерой, негативное отношение к браку и семье. Какая семья, какие дети, когда народ наш стонет под гнетом! Если мы посмотрим на биографии упомянутых в данной работе интеллигентов первого и второго поколений, то окажется, что практически ни у кого из них не было детей.

Как было сказано выше, другим объединяющим фактором обеих частей интеллигенции являлась ненависть. Причем, как это ни парадоксально, ненависть либеральных интеллигентов была более радикальной. Если революционные интеллигенты ненавидели только царский режим, клянясь в любви к страдающему народу, то либералы ненавидели и презирали все русское: историю, государственное устройство, обычаи и нравы русской земли, что хорошо видно, хотя бы на примере творчества Алексея Константиновича Толстого.

И преклонение перед Западом у интеллигентов-либералов было всеобъемлющим. Они видели спасение России только в полном преобразовании

страны по европейскому образу и подобию. Радикальные же интеллигенты пока еще оставляли русскому народу право на некоторую самобытность. Причем ранние интеллигенты-либералы, такие как Чаадаев, Печерин, Грановский, Алексей Константинович Толстой, будучи людьми религиозными, путь приобщения к Западной культуре видели через принятие католичества. Видимо на примере чехов, словаков, поляков и хорватов. А Печерин даже попытался осуществить этот переход на личном примере. В то время как следующие поколения либеральных интеллигентов-атеистов видели путь приобщения к западным ценностям посредством просвещения и воспитания.

Насколько реальны были эти варианты «приобщения»? Этническая система чрезвычайно устойчива и обладает колоссальным инстинктом самосохранения. Стереотипы поведения членов этноса меняются во времени под воздействием внешних условий, но меняются очень медленно, не затрагивая их основ. Скачкообразное изменение стереотипов поведения свидетельствует о рождении новой этнической системы. Событие это крайне редкое и происходит под воздействием природных факторов, а никак не по воле «божественной» интеллигенции. Поэтому все эти интеллигентские мечтания абсолютно наивны и для здорового этноса не опасны. Но в фазе надлома, когда защитные функции этнического организма максимально ослаблены, попытки людей с антисистемным мышлением реализовать свои бредовые идеи, как правило, приводят к тяжелым последствиям. Что мы и наблюдаем на примере нашей трагической истории.

Что интересно, если находившиеся в России либеральные интеллигенты, проливая слезы умиления, усердно молились у алтаря Западной культуры, то их радикальные сотоварищи, оказавшись в вынужденной иммиграции, моментально разочаровывались в Западной цивилизации и ее «Абсолютной идее». И буквально все они: Герцен, Бакунин, Кропоткин, Лавров, Ткачев становятся революционерами. И вдруг обнаруживают, что именно «лапотная» Россия, вчера еще ими так презираемая, должна явить миру новый путь построения царства божьего на Земле.

Правда, неизвестно, что для нашей многострадальной Родины было хуже – ненависть либералов или пылкая любовь радикалов. И те и другие черпали философские идеи из «сокровищницы» европейской мысли. При этом у либералов хватило ума хотя бы не пытаться приспособлять европейские учения под российскую специфику. Они рассуждали по принципу: если теория не соответствует местной жизни, то тем хуже для последней. Революционные же интеллигенты проявили творческую фантазию. Обнаружив в русской крестьянской общине зачатки социализма, они обогатили мировую философию теорией крестьянской социалистической революции Герцена и Лаврова. Другим «выдающимся» вкладом стал анархизм Бакунина и Кропоткина. Наконец, вершиной философской мысли революционной интеллигенции стал политический терроризм Нечаева и Ткачева.

Либеральная часть интеллигенции прямо не поддержала террористические методы борьбы. Казалось бы, ответственность за последовавшую после выстрела Засулич кровавую вакханалию она не несет. Но на самом деле это не так. Либеральные писатели, публицисты, общественные деятели и их последователи не метали бомб, но они создавали общественное мнение, которое теперь формировалось не в великосветских салонах «княгини Марьи Алексевны», а на страницах либеральных журналов. И направлено это мнение было на поддержку радикалов. Поэтому ответственность либеральной интеллигенции за все последующие события несомненна. К тому же, практически все будущие «профессиональные» революционеры вышли из той же интеллигенции.

Не поддерживая террор как метод борьбы, либералы, тем не менее, каждый раз находили веские причины для оправдания действий конкретных террористов. Сила этого мнения была уже столь велика, что даже уголовный процесс над Засулич завершился ее оправданием. Оправдательный приговор вынес суд присяжных под всеобщий восторг «прогрессивной» общественности. Характерно, что председателем этого суда был уже упоминавшийся ими первый потомственный интеллигент Анатолий Кони.

Вообще нужно отметить, что пореформенный российский суд присяжных, до процесса над Засулич, пожалуй, действительно был самым независимым и гуманным судом в мире. После столетий жестокостей, после Николая «Палкина» резкий переход к либеральным реформам опьянил «прогрессивную» общественность. И маятник резко качнулся в другую сторону. В демократическом угаре суды присяжных раздавали оправдательные приговоры направо и налево.

Эту коллизию подметил Алексей Константинович Толстой, и вновь в своей замечательной поэме «Поток богатырь»:

Видит: судьи сидят, и торжественно тут
 Над преступником гласный свершается суд.
 Несомненны и тяжки улики,
 Преступленья ж довольно велики:
 Он отца отравил, пару теток убил,
 Взял подлогом чужое именье
 Да двух братьев и трех дочерей задушил -
 Ожидают присяжных решенья.
 И присяжные входят с довольным лицом:
 «Хоть убил, - говорят, - не виновен ни в чем!»
 Тут платками им слева и справа
 Машут барыни с криками: браво!

Уже на следующий день после оглашения приговора Засулич правительство спохватилось. Было принято решение о пересмотре дела. Министр внутренних дел и председатель суда были уволены. Но Засулич уже успела скрыться, и вскоре была нелегально переправлена своими сторонниками за границу. Кони же стал успешным адвокатом, в дальнейшем защищавшим в судах многих известных революционеров.

Вскоре последовал указ о рассмотрении дел террористов только военными судами. Но было уже поздно. Прецедент был создан. Террор получил одобрение прогрессивной части общества и, следовательно, уже рассматривался революционерами как вполне приемлемый метод борьбы.

Также благодаря интеллигентам-публицистам в обществе формировалось негативное отношение к органам правопорядка: прокуратуре и особенно – жандармерии. Жандармы существовали во многих странах, но только в России, благодаря усилиям интеллигенции, это слово приобрело крайне негатив-

ную коннотацию. Для прогрессивной интеллигенции считалось позорными не только сотрудничество с жандармерией, но даже простое человеческое общение с жандармами. А уж пригласить душителя свободы в свой дом для интеллигента было просто невыносимо.

Печальнее всего, что подобные настроения интеллигенции удалось распространить практически на все образованное общество. И благодаря этому негативному общественному мнению в органах сыска начался негативный же естественный отбор. Способные, образованные, благородные молодые люди в полицию не шли. И в ней постепенно стали преобладать бездарные, злобные и безграмотные карьеристы. Благодаря этому способность жандармерии бороться с бесами революции с каждым годом неуклонно падала.

Ни мало потрудились либералы и над искоренением у образованной части населения «религиозных заблуждений», на которых традиционно покоились нравственные основы русского общества. Надо признать, здесь интеллигенты добились больших успехов. Вера в бога подверглась осмеянию и практически была изгнана из образованного общества. Эту агрессивная атеистическая пропаганда также показана в замечательной поэме Алексея Константиновича Толстого:

Но Поток из их слов ничего не поймет
Там какой-то аптекарь, не то патриот,
Пред толпою ученье проводит:
Что, мол, нету души, а одна только плоть
И что если и впрямь существует господь,
То он только есть вид кислорода,
Вся же суть в безначалье народа.

И Россия вступила в новый этап революционных потрясений, над которым мрачно повис сакраментальный вопрос Достоевского: «Если бога нет, значит все позволено?!».